

O.B. Раевская
(Москва, МГУ)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ

Проблема системности лексики как одна из ключевых и традиционно спорных проблем лексикологии обретает достаточно отчетливую перспективу, получая когнитивно ориентированную интерпретацию в терминах ментального и внутреннего лексикона. Определяя вслед за Е.С. Кубряковой внутренний лексикон как «совокупность вербальных сетей» (Кубрякова 1991, 91), мы в то же время признаем, что первостепенную важность в решении вопроса об устройстве внутреннего лексикона имеют данные ассоциативных экспериментов. Являя собой материал, интересный для лингвиста с самых разных точек зрения, эти экспериментальные данные представляют особую ценность в плане достоверности, или психической реальности тех или иных теоретических построений.

Взгляд на внутренний лексикон с когнитивной точки зрения и с опорой на данные массовых ассоциативных экспериментов позволяет определить его как «средство доступа к единому информационному тезаурусу, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и накладываемой на имеющиеся знания выработанной в социуме системой норм и оценок» (Залевская 1999, 165).

Одна из основных особенностей ассоциативно-вербальной сети как модели внутреннего лексикона - многообразие связей между составляющими сеть словами. Это многообразие, которое, по словам Ю.Н. Карапурова, «исчислимо, хотя до сих пор не исчислено» (Карапуров 1993, 253), интерпретировалось в науке с разных точек зрения и с разной степенью таксономической детализации. В то же время один из основополагающих принципов строения внутреннего лексикона - сочетание энциклопедических и языковых знаний.

Поскольку основной элемент ассоциативно-вербальной сети - пара слов: слово-стимул и слово-реакция (*гора - высокая, гора - холм, гора - нора*), постольку естественно выделять прежде всего лингвистические основания построения внутреннего лексикона. В этом случае выявить принципы строения внутреннего лексикона означает прежде всего исчислить и

классифицировать типы ассоциаций между словами, как об этом позволяют судить данные ассоциативных экспериментов.

Основы классификации лексических ассоциаций были заложены в прошлом веке Н.В. Крущевским, который замечал, что «каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах» (Крущевский 1883, 66). Не употребляя вошедших в научный обиход позднее терминов «парадигматика» и «синтагматика», а также не имея в своем распоряжении того богатого материала массовых ассоциативных экспериментов, которым мы располагаем сегодня, именно Н.В. Крущевский предложил в качестве основополагающего тот принцип, на котором строятся или который непременно учитывают практически все современные классификации лексических ассоциаций, а именно: противопоставление парадигматических и синтагматических ассоциаций. Ср., например: *снег - зима* и *снег - идет*.

Лингвистическое в своей основе деление ассоциаций на парадигматические и синтагматические представляет собой один из важнейших параметров внутреннего лексикона, который позволяет выделить основные системообразующие характеристики последнего в сопряжении с другим основополагающим параметром - взаимодействием языковых и неязыковых знаний.

Вопрос о типах знаний, точнее, о соотношении языковых и неязыковых (энциклопедических) знаний особенно активно обсуждается в последнее время в когнитивной лингвистике. Это соотношение не имеет общепринятой научной трактовки. С одной стороны, противопоставление языковых и неязыковых знаний кажется одним из общих мест нашей науки. На нем строится, к примеру, традиционное противопоставление толковых и энциклопедических словарей в лексикографии. В то же время в современной лингвистике иногда ставится под сомнение релевантность подобного противопоставления языкового и неязыкового, или, в другой терминологии, лингвистического и экстралингвистического знания (Кибрик 1992, 20; Баранов, Добровольский 1997, 11).

Проблема соотношения языковых и неязыковых знаний приобретает особую актуальность при исследовании ассоциативно-вербальной сети как модели внутреннего лексикона. Закономерно в этой связи поставить вопрос о том, как соотносятся языковые и неязыковые знания в ассоциативных парах как основном звене ассоциативно-вербальной сети (ср.: *рука - нога*, *рука - об руку*, *рука - правая* и т.д.)?

Ответ, казалось бы, должен быть таким: «Постоянное взаимодействие языковых и энциклопедических знаний - несомненный факт, а их противопоставление или установление каких-либо приоритетов является неоправданным, ибо эти виды знания функционируют по принципу взаимодополнительности» (Залевская 1999, 166). Если вслед за этой цитатой привести ряд примеров ассоциативных пар (см. Русский ассоциативный словарь), установление приоритетов в соотношении языковых и неязыковых ассоциаций не будет казаться столь неоправданным. Ср.: сыр - голландский, сыр - вкусный, сыр - бор, сыр - молоко, сыр - ворона и т.д. Представляется достаточно очевидным приоритет языкового знания в ассоциативной паре сыр - бор и энциклопедического (из области прецедентных текстов) - в паре сыр - ворона. Отметим в то же время синтагматический характер языковой ассоциативной связи и парадигматический характер энциклопедической связи. К парам сыр - вкусный и сыр - молоко, вероятно, в большей (если не в полной) мере относится положение о взаимодополнительности языковых и энциклопедических знаний, точнее, невозможности установления среди них приоритета.

Анализ данных ассоциативных экспериментов показывает, что в плане содержания в ассоциативно-вербальной сети представлены три типа соотношения языковых и энциклопедических знаний (что, собственно говоря, исчисляется априорно): приоритет языковых знаний (*сыр - бор*), приоритет энциклопедических знаний (*сыр - ворона*) и нерасчлененность тех и других (*сыр - вкусный*). При этом в плане выражения каждое звено ассоциативно-вербальной сети (т.е. ассоциативная пара) демонстрирует один из двух типов отношений между единицами: синтагматические (*сыр - плавленый*) или парадигматические (*сыр - молоко*). Таким образом, мы имеем два основных системообразующих параметра (содержательный и формальный) ассоциативно-вербальной сети.

Рассмотрим каждый из этих параметров в отдельности и во взаимодействии друг с другом, исходя из того, что настоящая работа имеет целью не столько продемонстрировать результаты всеобъемлющего анализа данных ассоциативных экспериментов, в соответствии с выделенными параметрами (это может стать предметом специальных исследований, требующих совместных усилий представителей разных лингвистических - и не только лингвистических - дисциплин), сколько обратить внимание на наиболее очевидные факты, свидетельствующие о правомерности предлагаемой интерпретации строения ассоциативно-вербальной сети в рамках двух указанных параметров.

О том, что знание языка может выступать на первый план, свидетельствуют многочисленные примеры таких ассоциативных пар, которые пред-

ставляют собой фрагменты фразеологизмов или просто устойчивых словосочетаний. Ср.: *сыр - бор, весна - красна, гора - с плеч, дым - столбом, жажды - мести, зеркало - души* и т.д. Именно устойчивостью сочетаемости, т.е. высокой частотностью совместной встречаемости и объясняется подобное ассоциирование.

Подобные ассоциативные пары являются в большинстве случаев синтагматическими, поскольку они точно воспроизводят фразеологизм (или его фрагмент) или устойчивое словосочетание. Ассоциирование, мотивированное знанием фразеологизмов, т.е. свидетельствующее о приоритетности языкового знания, может быть далеким от буквального воспроизведения фразеологизма. В этом случае мы имеем парадигматические ассоциативные пары, в основе которых - тесные (застывшие во фразеологизме) синтагматические связи ассоциирующихся слов. Ср.: *гора - Магомет, баран - ворота, соль - пуд*.

Ассоциации, демонстрирующие приоритет языковых знаний над энциклопедическими, естественным образом являются национально специфическими, поскольку они отражают специфику соответствующего национального языка. Во всех приведенных выше примерах, как и в «Русском ассоциативном словаре» в целом -rossыпи русской фразеологии, знание которой, как показывают результаты ассоциативных экспериментов, составляет неотъемлемую часть знания языка.

Чисто языковыми являются фонетические ассоциации, довольно редко встречающиеся, но в то же время представляющие собой одну из специфических особенностей ассоциативно-вербальной сети. Ср.: *горб - гроб, голос - волос, урок - курок*. (Языковые знания, проявляющиеся в ассоциативном эксперименте, следует отличать от знаний о языке, или метаязыковых. Ср.: *имя - существительное*. Метаязыковые знания, в отличие от языковых знаний, не имеют национальной специфики.)

В не меньшей степени национально специфическими, или идиоэтническими являются и ассоциации, в которых преобладают неязыковые знания, что особенно наглядно проявляется при сравнении ассоциаций на одно и то же слово в разных языках. Так, например, среди частотных ассоциаций на слово *сыр* - ряд прилагательных, обозначающих разные сорта сыра, известные участникам эксперимента: *голландский, плавленый, российский, колбасный, пошхонский* и т.п. Результаты эксперимента с носителями итальянского языка показывают, что к частотным ассоциациям на слово *formaggio* (*сыр*) также относятся прилагательные, называющие сорта сыра, хорошо знакомые итальянцам: *parmigiano* (*пармезан*), *pecorino* (*козий*), *svizzero* (*швейцарский*), *emmenthal* (*эмменталь*), *mozzarella* (*моцарелла*).

Области «неязыкового» знания, являющиеся содержательной опорой для ассоциации, могут быть самыми разнообразными, однако все они объединены принадлежностью к одной культурно-исторической общности. Ср.: *воскресенье - вербное, выстрел - Пушкин, белый - Бим* и т.п.

Ассоциативные пары с доминирующим неязыковым знанием могут быть как синтагматическими, так и парадигматическими.

Таким образом, в ассоциациях, отличающихся национальной спецификой, т.е. различающихся в зависимости от языка участников эксперимента, могут доминировать как языковые знания (*сыр - бор*), так и неязыковые (*сыр - голландский*). Приоритет языковых знаний обычно коррелирует с синтагматической связью внутри ассоциативной пары. Приоритет неязыковых знаний не имеет прямых корреляций с типом связи внутри ассоциативной пары.

Как бы ни были интересны и важны с разных точек зрения национально специфические ассоциации (и с языковой, и с неязыковой доминантой), в количественном отношении их значительно меньше, чем ассоциаций, общих для носителей разных языков. Большинство самых частотных ассоциаций встречаются в ассоциативных экспериментах, проводимых на разных языках. Ср.: *вода - холодная, чистая, прозрачная, родниковая, питьевая* и *acqua* (вода) - *limpida* (прозрачная), *fresca* (прохладная), *chiara* (чистая), *potabile* (питьевая), *fredda* (холодная). На каком бы языке ни входило в эксперимент слово *рука*, ассоциативную пару ему составит слово *нога*, слово *муж* в любых ассоциативных экспериментах идет рядом со словом *жена*, прилагательное *хороший* - с прилагательным *плохой* и т.д.

Таким образом, наряду с национально специфическими (идиоэтническими) ассоциациями в ассоциативно-верbalьной сети представлены (и численно преобладают) универсальные ассоциации. Если идиоэтнические ассоциации характеризуются, в содержательном плане, приоритетом языковых или неязыковых знаний, то как, в рамках выделенных параметров, охарактеризовать универсальные ассоциации? Как применительно к ним может быть решен вопрос о соотношении типов знаний?

Поскольку из двух системообразующих параметров ассоциативно-верbalьной сети формальный (парадигматический *vs* синтагматический вид связи между словами в ассоциативной паре) более очевиден и практически не вызывает сомнений, целесообразно взять его за основу при определении содержательного параметра универсальных, т.е. общих для различных языков ассоциаций (приоритет типа знаний в ассоциативных парах). С формальной точки зрения универсальные ассоциации представляют собой парадигматические (*хороший - плохой, рука - нога*) или синтагмати-

ческие (*вода - питьевая*) ассоциативные пары, что в значительной степени зависит от части речи слова-стимула.

Универсальными ассоциациями являются антонимические пары типа *большой - маленький, молодой - старый* и т.п. Такая ассоциативная парадигматика, основанная на противопоставлении понятий (вернее, признаков) соответствует лингвистическим отношениям антонимии, парадигматическим по существу. Это положение можно экстраполировать (с известными оговорками относительно сущности антонимии как лингвистического феномена) на пары существительных типа *мужчина - женщина, рука - нога* и глаголов типа *жить - умереть, начать - кончить* и т.п.

Если же обратиться к универсальным ассоциациям типа *сыр - молоко, сыр - мышь* и т.п., то их экстралингвистическая природа не вызывает сомнений, а парадигматическая связь между словами, проассоциированными по экстралингвистическим причинам, является чисто формальной. В отличие от антонимических пар, объединяющих слова, противопоставленные по смыслу и состоящие в отношениях антонимии, в ассоциативных парах типа *сыр - мышь* парадигматическая связь не имеет никакого лингвистического наполнения.

В том случае, когда универсальный человеческий опыт, отраженный в универсальных логических категориях (в данном случае - оппозиции), прямо соотносится с соответствующими языковыми категориями (*хороший - плохой*), налицо полный параллелизм языкового и неязыкового знания. Если же среди языковых категорий нет прямых соответствий зафиксированным в универсальных ассоциациях типам связей между объектами человеческого опыта (*сыр - мышь*), следует, очевидно, говорить о приорите неязыкового знания.

Универсальные синтагматические ассоциации так же неоднородны, как и парадигматические, различаясь в зависимости от частеречной принадлежности слова - стимула. Так, например, пары «глагол - существительное (наречие)» обычно представляют собой как бы «готовые к употреблению» словосочетания (*идти - домой, идти - далеко, начать - с начала*). Их универсальность безусловно объясняется универсальностью жизненного опыта человека, т.е. экстралингвистическими факторами. В то же время эти синтагмы соответствуют синтаксическим нормам употребления прилагательных дополнений и обстоятельств и частотны в плане лексической сочетаемости. Применительно к таким ассоциациям вряд ли можно говорить о приоритете одного типа знаний над другим.

Иначе (и по-разному) обстоит дело с универсальными ассоциативными парами «существительное - прилагательное» (*вода - чистая, рука - правая*) и «прилагательное - существительное» (*белый - снег, большой - дом*). В

первом случае необходимо отметить неодинаковый характер синтагматики в ассоциациях на материале разных языков. Так, если считать основным признаком ассоциативной синтагматической пары ее «готовность к употреблению», то с этой точки зрения пара *вода - чистая* в русском языке, принимая во внимание порядок слов, скорее предикативное словосочетание, чем атрибутивное. Соответствующая ассоциация *acqua limpida* в итальянском языке, где нормой является постпозиция прилагательного в атрибутивной синтагме, представляет собой именно «готовое к употреблению» словосочетание. Объясняемый разным порядком слов различный характер синтагматики в одинаковых на первый взгляд ассоциативных парах типа *вода - чистая* и *acqua - limpida* побуждает признать в подобных универсальных ассоциациях вторичность языкового знания и, соответственно, первичность универсального неязыкового знания.

Ассоциативные пары «прилагательное - существительное» в большей степени, чем предыдущие («существительное - прилагательное»), характеризуются национальной спецификой чисто языковой природы. Так, если и русские, и итальянцы (при всем различии их зим) на прилагательное *белый* среди самых частотных реакций дают *снег*, а также *лист*, *цвет* и т.п., то объясняется это как их общими знаниями о мире, так и тем, что соответствующие существительные (и в русском, и в итальянском языке) мужского рода. У итальянцев же *latte* (молоко) членамного уступает по частотности *snegu* (*neve*). Молоко у русских такое же белое, и пьют они его не меньше итальянцев, только в русском языке существительное *молоко* - среднего рода, и в качестве синтагматической ассоциации к прилагательному *белый* оно поэтому не подходит. Таким образом, род прилагательного-стимула накладывает определенные ограничения на ассоциативные реакции, что позволяет говорить о приоритете языкового знания в ассоциативных парах «прилагательное - существительное».

Приведенные наблюдения, при всей их фрагментарности, позволяют сделать несколько предварительных выводов относительно принципов строения ассоциативно-вербальной сети. Во-первых, вопрос о соотношении типов знаний в ассоциативно-вербальной сети должен решаться с учетом, как минимум, двух факторов: 1) парадигматический из синтагматический характер связи между словами, составляющими ассоциативную пару, 2) национальная специфичность (идиоэтничность) из универсальность ассоциаций. Во-вторых, национальная специфика ассоциаций может иметь как языковую, так и неязыковую природу, что позволяет говорить о приоритете языковых (*сыр - бор*) и неязыковых знаний (*сыр - ворона*) соответственно. В-третьих, универсальные ассоциации могут демонстрировать приоритет неязыковых знаний (*сыр - мышь*, *вода - чистая*), приоритет

языковых знаний (*белый - снег*) и параллелизм, или нерасчлененность языковых и неязыковых знаний (*хороший - плохой, идти - домой*). Каков удельный вес, какова роль в строении ассоциативно-вербальной сети каждого из выделенных типов ассоциаций - предмет отдельного исследования.

Литература

1. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
3. Карапулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
4. Крущевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
5. Кибrik A.E. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
6. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка, 1997, том 56, № 1.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику.
8. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. М., 1994.